

## РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'44

*Аверьянова Е.Н.*

*Пятигорский государственный лингвистический университет*

### ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СВОЙСТВ КОММЕНТИРОВАННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)\*

*E. Averyanova*

*Pyatigorsk State Linguistic University*

#### INTERPRETATION OF COGNITIVE, SEMANTIC AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF AUTHOR-COMMENTED UTTERANCES (IN TEXTS OF ENGLISH AND RUSSIAN FICTION)

*Аннотация.* Объект исследования – высказывания в текстах англоязычной и русскоязычной художественной литературы, включающие авторский комментарий неожиданных, внезапных, случайных событий. Выявляется модель категориальной ситуации «длящееся действие → внезапное наступление факта», функции и смысл комментированного высказывания, утверждающего о нарушении нормы ожидания и внезапном наступлении факта.

*Ключевые слова:* текст, интерпретация, содержательно-концептуальная информация, комментированное высказывание, норма ожидания, внезапность.

*Abstract.* Utterances in English and Russian fiction supplied with the speakers' commentary of unexpected, sudden, accidental events serve as an object of the research. The pattern of the categorical situation "lasting action → sudden occurrence of a fact" is revealed, functions and meaning of the commented utterance stating violation of the norm of expectance are described.

*Key words:* text, interpretation, cognitive information, commented utterance, norm of expectance, suddenness

В современной лингвистике и теории текста центральное место занимает концепция, согласно которой порождение текста происходит как движение от смыслов к текстам и от текстов к разнообразным языковым средствам реализации смыслов [4]. Учитывая, что в процессах познания и языковой интерпретации мира в художественном тексте интеллектуальная деятельность нередко сопровождается чувственно-эмотивными моментами и экспрессией, можно назвать неслучайным и вполне закономерным интерес к проявлению в текстах художественных произведений человеческого фактора, действующего как «генератор экспрессивности языковых выражений» [7, 34-37]. Однако при общей значительной разработанности этой темы, экспрессивные высказывания в текстах художественных произведений в комплексе идей функционально-коммуникативного подхода с идеями когнитивной лингвистики до сих пор не рассматривались. В задачу настоящей статьи входит подтвердить продук-

---

\* © Аверьянова Е.Н.

тивность подобного комплексного подхода к изучению и описанию единиц художественного текста, объективирующих чувственно-эмотивные и экспрессивно-оценочные компоненты смысла. Преимущества данного подхода определяются тем, что он позволяет соединить изучение функциональной стороны языка с изучением тех мыслительных категорий и связей, которые существуют в сознании говорящих/пишущих и определяют их заинтересованно-личностное отношение к объективируемой действительности [8, 9-16].

В рамках функционально-коммуникативного подхода разработаны новые критерии классификации языковых и речевых реалий, функционирующих в тексте [2]. С точки зрения когнитивной науки принципиально важным является комплексное сопоставление языковой формы и функций текстовых единиц с содержанием, реализуемых в них, языковых семантических категорий.

Функционально-коммуникативный подход предполагает изучение не только структурной организации текста, но и рассмотрение смысловых отношений и связей, обнаруживаемых между его единицами. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотрения особенностей выражения одного из значений категории субъективной модальности в его соотнесенности с описываемыми ситуациями, интенциями и эмоциями говорящих/пишущих.

В центре внимания находится высказывания, включающие средства субъективно-модальной оценки происходящего как неожиданного, внезапного, случайного и невероятного (несоответствующего норме ожидания). Лексическая модальность выражается, в том числе, и при помощи группы предикатных слов, которые могут приписываться предметам и событиям в силу объективного устройства мира – это объективная модальность. Но эти предметы и события могут рассматриваться как нечто желательное, необходимое, возможное, вероятное, невозможное, невероятное и т.д. по мнению человека. **Один из этих смыслов придается**

**высказыванию** при помощи слов со значением внезапности.

Отношение происходящего к норме ожидания проявляется в сообщении тогда, когда сравнивают действительное положение дел с ожидавшимся или привычным [1, 69]. Языковые выражения, объективирующие понятие о нарушении нормы ожидания, могут сообщать о редких или необычных сочетаниях ситуаций, качеств, состояний. Обнаружение сочетания фактов и последовательностей развертываемых событий, которые, по мнению говорящего/пишущего, в норме несочетаемы, противоречит ожидаемому их возникновению и развитию. Этот вопрос имеет непосредственное отношение к проблемам когнитивной науки, так как знание нормы ожидания определяется картиной мира продуцентов и реципиентов текста.

Если отношение между предшествующим и последующим событиями или действиями персонажей в художественном тексте фиксирует какое-либо отклонение от стандартного, ожидаемого развития, это развитие оценивается реципиентом текста как внезапное или аномальное, т.е. не соответствующее ни представлению о ситуации, ни логике здравого смысла. Подобная аномалия может возникать, в том числе, вследствие наличия какого-либо «непорядка» в мыслях [1, 87].

Сообщение о том, что событие произошло вопреки ожиданиям или является аномальным следствием того положения дел, которое ранее имело место, объективируется в речи в полифункциональной конструкции высказывания. Функции такой конструкции заключаются, с одной стороны, в информировании (это – препозитивная основа конструкции комментированного высказывания), а с другой - в характеристике представленной информации:

*“She suddenly heard a strange noise.”* [10];

*«... повертев перед глазами Римского узловатыми пальцами (он) внезапно вытащил из-за уха у кота собственные Римского золотые часы ...»* [3]

Предложения, в которых описываемой ситуации приписывается субъективная мо-

дальность и оценочность, можно определить как комментированные. В семантическом описании предложения модальность выносится за пределы пропозиции, в «модальную рамку». Языковые единицы, используемые для обозначения внезапных событий и выражающие субъективные модальности, являются квазипредикатами.

Используемые в английском и русском художественных текстах комментированные предложения-высказывания – это, прежде всего, двухчастные структуры, реализуемые в структурных границах предложения. Но наряду с отдельными комментированными предложениями-высказываниями в художественных текстах используются комментированные структурно-семантические комплексы, состоящие из двух предложений и двух и более абзацев, например:

*“Ned Lambert tossed the newspaper aside, chuckling with delight. An instant after a hoarse bark of laughter burst over professor MacHugh’s unshaven blackspectacled face.”* [11];

*“Опять долго были одни только Софьины руки, и не было ее самой. Вдруг она увидела, что стоит на краю канавы, вода в канаве лиловая, стеклянная от заката, и туда же, в канаву, выброшен весь мир, небо, сумасшедшие-быстрые лиловые тучи, а за спиной у Софьи тяжелый мешок, и что-то такое под пальто придерживает правая рука ...»* [6]

Частотность употребления и объем такого комментария индивидуальны, т.е. могут определяться особенностями речевого поведения говорящего/пишущего. Короткий комментарий – часть конструкции предложения-высказывания может модифицировать смысл одного слова. Если комментируется смысл нескольких высказываний и абзацев, то образуются комментированные текстовые блоки.

Эксплицитная оценка происходящего или происшедшего как внезапного может выражаться разными частями речи (наречиями, именами прилагательными, именами существительными и глаголами). Наиболее частотны случаи выражения внезапности словами, выступающими в качестве адвер-

биального модификатора при глаголе-сказуемом, например:

*“And in confirmation came the awful whistling of a shell, advancing almost suddenly into a piercing, tearing shriek that would tear through the membrane of life.”* [10].

В других случаях признак внезапности выражается на семантическом уровне, т.е. входит в значения глагольных форм, например:

*«Она осадила послушную щетку, отлетела в сторону, а потом, бросившись на диск внезапно, концом щетки разбила его вдребезги».* [3].

В этом случае выражение внезапности в значении глагола *бросаться* совмещено со значением быстроты совершения действия.

Значение внезапности, странности происходящего также может выражаться метафорически, например: *“And he was not satisfied. Like a madness, he must go on. He got large stones, and threw them, one after another, at the high-burning center of the moon, till there was nothing but a rocking of hollow noise, and a pond surged up, no moon any more, only a few broken flakes tingled and glittering broadcast in the darkness, without aim or meaning, a darkened confusion, like a black and white kaleidoscope tossed at random”* [10].

В качестве комментирующих компонентов могут использоваться как отдельные слова и словосочетания, так и полноценные предикативные единицы, которые обладают всеми свойствами парантезы. Но если комментарии, указывающие на внезапность событий, могут быть обособлены в английских текстах: *“Quite suddenly, he put his hand under her chin and lifted her head up to him”* [10], то в текстах на русском языке слова и словосочетания, выражающие внезапность, не обособляются:

*«Они, красный и синий, подошли к окну, даже высунулись, став одинаковыми. Ничего. И внезапно оба почувствовали: что-то не так – ой, не так!»* [9].

В русскоязычных художественных текстах слова внезапности также могут указывать на непредвиденное развитие событий,

на то, что описываемые предыдущее и последующее действие/событие не имеют между собой какой-либо логической связи с точки зрения говорящего. Но они всегда выступают в предложении как обстоятельства.

Комментарии, указывающие на внезапность, аномальность и алогичность происходящего, широко используются как в англоязычной, так и в русскоязычной художественной литературе, но характеризуются разной частотностью и разной смысловой нагруженностью. По смыслу такие комментарии можно разделить на две разновидности: в одних внезапность относится к оценке темпа, в котором развивается событие или выполняется действие, а в других – к оценке того, как развивается или завершается описываемая динамичная ситуация. В обоих сравниваемых источниках комментирующие элементы могут подчинять себе остальную часть предложения-высказывания по смыслу. Поэтому при помощи таких комментариев можно передавать тонкие нюансы смысла, что немаловажно как для достижения коммуникативных целей, так и для создания экспрессивности художественного текста.

Поскольку смысловая интерпретация происходящего как внезапного, аномального имеет в основе знание нормы ожидания, которая определяется знанием говорящего/пишущего о явлениях и типовых ситуациях действительности, этот смысл комментария может имплицироваться. Представление о внезапности и аномальности происходящего может создаваться у читателя в том случае, если в тексте нарушены принципы логичности и последовательности изложения.

В функциональной грамматике внезапность и аномальность происходящего в текстовых последовательностях определяется как нарушение принципа группировки сменяющих друг друга ситуаций. Продвижение повествования вперед обеспечивает соблюдение секвентности, т.е. описание последовательно сменяющих друг друга фактов и событий. При последовательном описании событий и фактов, не связанных логико-смысловой связью, возникает несеквент-

ность [2: 185].

Усилению экспрессивности повествования способствует такой прием объективации содержательно-концептуальной информации, когда заключения, к которым приходит говорящий на основе некоторых фактов, логически им противоречат. Приведем пример:

*«Когда мы приблизились к музею, то увидели, что перед ним стоит красный автокар – пустой.*

*– Ага, – сказал мосье Годар довольным голосом, – я вижу, что у нас сегодня много посетителей.*

*Он снял шляпу и, держа ее перед собой, чинно взошел по ступеням» [9].*

Несмотря на то, что невероятность и непредсказуемость происходящего не всегда эксплицируется, происходящее может оцениваться читателем как внезапный и непредсказуемый разворот событий на основе знания о «нормальном», с точки зрения обыденного знания, порядке вещей. Рассмотрим другой пример:

*«The terrible, massive, cold, boundless surface of the water terrified her beyond words. Would he never come back? She felt she must jump into the water, too, to know the horror also.*

*She started, hearing someone say: 'There he is.'» [10].*

Здесь смысловое отношение между начальным и заключительным событием эпизода можно охарактеризовать как стилистический прием обманутого ожидания.

Использование комментированных высказываний в художественных текстах может иметь следующие мотивации:

– автор/персонаж не может оставаться безучастным к тому, что происходит в описываемом им фрагменте мира;

– автор/персонаж художественного текста пытается предвидеть, как будут развиваться события, поэтому в случае их непредвиденного развития он прямо или косвенно выражает свое отношение к этому факту.

Появление высказываний, содержащих эксплицитные маркеры внезапности или косвенно указывающие на этот смысл, мож-

но рассматривать как реализуемую автором возможность привести к взаимно-однозначному соответствию языковые средства, имеющие определенное понятийное содержание, свои знания, верования, мнения и эмоции. Автор - творец текста и представляет информацию исходя из собственного видения. Обработанная информация вновь преломляется через сознание автора, который может согласиться и подтвердить ее, или же опровергнуть. Особенность компонентов высказываний, обладающих семантикой внезапности, определяется тем, что они могут действовать как интерактивные элементы контекста, усугубляющие связи между содержательно-фактуальной информацией и ее содержательно-концептуальной интерпретацией. Для интерпретации вероятностного смысла высказывания в художественном тексте в некоторых случаях достаточно надежного эмпирического свидетельства истинности. Комментарий, содержащий семантику внезапности, в таких ситуациях исключается. Если же в силу каких-либо причин описываемая ситуация не может быть интерпретирована однозначно (например, для этого нет достаточной совокупности прогнозирующих фактов), то уместно использование эксплицитных комментирующих элементов:

*“You can answer me, can't you?” he said.*

*For reply she suddenly jabbed a knife across his thick, pale hand.” [10]*

С точки зрения повествующего у референта *she* не было мотива для совершения действия. Слово *suddenly* выступает в качестве эмпирического свидетельства этого факта.

Автором комментария выступает либо автор произведения либо персонаж, которые могут выступать как объективные и независимые наблюдатели или активные участники описываемых событий. Приведем пример:

*«Почувствовав у себя на волосах ее шевелящиеся пальцы, карлик застыл и вдруг начал быстро и молча облизываться. Скосив глаза в сторону, он не мог оторвать взгляд от изумрудного помпона на туфле госпожи Шток» [9].*

Вывод о том, насколько подготовлено или

непредсказуемо действие *карлик застыл и вдруг начал быстро и молча облизываться*, может быть сделан с точки зрения знания автора комментария о прототипной ситуации «в гостях у друга». Изображенное развитие событий нарушает норму ожидания развития этой ситуации. Использование слова *вдруг*, обладающего семантикой внезапности, обусловлено непрогнозируемым, т.е. не соответствующим данному сценарию и потому нарушающим норму ожидания развитием событий. Содержание когнитивной модели, лежащей в основе комментированных высказываний, можно описать следующим образом:

*Несмотря на то, что мы не можем знать точно, что произойдет в следующий момент, сложившееся положение позволяет утверждать, что данное развитие событий невозможно.*

В высказываниях (цепочках высказываний) слова со значением внезапности могут использоваться не только для отображения логики мышления (как маркеры «нормального» и «ненормального следствия»), но и для отображения эмоциональных состояний. Формирование эмоциональных и экспрессивных значений происходит в результате концептуальных преобразований, затрагивающих фреймы знания.

Рассмотрим другой пример:

*«Было еще семь-восемь человек, незнакомых Фреду; он разглядывал их лица, поблекшие от грима, пока лакей подкладывал ему подушку, вскидывал скатерть, проворно раставлял прибор.*

*И внезапно поодаль, в сумраке ресторана, Фред узнал тонкий профиль фокусника, который тихо беседовал с пожилым, тучным господином американского пошиба» [9].*

Приведенный выше отрывок текста повествует о том, как развивается ситуация, связанная с посещением ресторана персонажем по имени Фред. События в целом развиваются по обычному сценарию.

Обычно слова и фразы, обладающие семантикой внезапности, используются для обозначения неожиданного развития собы-

тий. Если подобные маркеры внезапности отсутствуют, то для реципиентов текстов это означает, что содержащаяся в них информация принадлежит к общепризнанному знанию. С этой точки зрения использование комментирующего элемента *внезапно* как бы ничем не оправдано. Но в данном случае события описаны от лица персонажа, у которого есть внутренний мотив для того, чтобы не желать встретить *фокусника*, избегать его. К эксплицитированному смыслу добавляется еще и имплицитный смысл *нежелательности* встречи Фреда и фокусника. Присутствие фокусника в ресторане тревожит говорящего. То, что в высказывании присутствует слово *внезапно*, означает, что маркируемое им событие важно для говорящего. Таким образом, в художественном повествовании комментарий о внезапности события связан с реализацией перлокутивных значений.

Подведем краткий итог.

1. Комментарий внезапности возникновения события или обнаружения факта является метапредикатом, или «предложенческим» эпистемическим предикатом, выражающим знание/мнение автора/персонажа о реальной действительности.

2. В функциональной грамматике слова и выражения, комментирующие события как внезапные (нарушающие норму ожидания) рассматриваются как смыслообразующие элементы категориальной ситуации «длящееся действие → внезапное наступление факта».

3. Смысл комментированного высказывания, констатирующего нарушение нормы ожидания и внезапное наступление факта можно описать следующим образом:

*Несмотря на то, что мы не можем знать точно, что произойдет в следующий момент, сложившееся положение позволяет утверждать, что данное развитие событий невозможно.*

4. Авторский комментарий в художественном тексте способствует созданию двуплановости повествования.

5. Комментирование содержательно-фактуальной информации является неотъемлемым признаком дискурса художественной литературы. Благодаря синтезу содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации обеспечивается смысловая и структурная целостность художественного текста.

6. Использование комментированных высказываний, как в англоязычном, так и в русскоязычном художественном тексте имеет непосредственное отношение не только к выражению знаний/мнений говорящего лица, но и к его экспрессивизации и реализации стилистического эффекта «обманутого ожидания».

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XV, 896 с.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 208 с.
3. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: Роман / М.А. Булгаков. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1987. – 384 с.
4. Валгина Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
5. Грайс Г.П. Значение говорящего, значение предложения значение слова / Г.П. Грайс // Философия языка. Ред.-сост. Дж. Р. Серл. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – С. 75-98.
6. Замятин Е.И. Мы: Роман, рассказы, литературные портреты, эссе / Е.И. Замятин. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1990. – 429 с.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
8. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
9. Набоков В.В. Крут: Поэтические произведения; рассказы / В.В. Набоков. – Л.: Художественная Литература, 1990. – 544 с.
10. Joyce J. Ulysses / J. Joyce. – London: The Bodley Head, 1958. – 764 p.
11. Lawrence D.H. Women in Love / D.H. Lawrence. – London: Penguin Books, 1996. – 542 p.